НИНА МОЛЕВА

УГОЛ АТАКИ

Нина Михайловна Молева — профессор, доктор исторических наук, кандидат искусствоведения, член Союза писателей СССР и РФ, член Союза художников СССР, член Комиссии по монументальному искусству при Московской городской думе.

КУЛЬТУРА

Он был рассчитан до мелочей — угол атаки на русскую культуру. Год 1936-й — рубеж начала тотального наступления. На этот раз на интеллигенцию, вообще на «тех, кто с образованием», на культуру и, значит, на искусство. После убийства Кирова, ленинградского дела троцкистов-зиновьевцев основным местом событий предстояло стать Москве. Тем более что удалось найти идеального партийного администратора-исполнителя задуманного сценария. Сразу после сверхпомпезных похорон «Мироныча» первым секретарем московского горкома стал Никита Хрущев.

За правильность выбора говорила полная необразованность «Первого»: несколько классов школы и два года пресловутой Промакадемии. Отсутствие московских корней. И едва ли не главное — отсутствие авторитета и связей в собственно партийной среде: три года на рядовой работе в местном аппарате ничего дать не могли. Действовать ему предстояло без колебаний и собственных соображений.

Между тем программа складывалась из двух частей и простой никак не была. С одной стороны, проведение нового политического процесса, который, в отличие от «ленинградского дела», следовало завершить сплошным расстрелом всех обвиняемых и непременно по единогласному требованию «трудящихся». Торжественно завершив победу принятием Конституции. Сталинской.

С другой — наглядное утверждение программы «счастливого детства». Чем более бесправными и угнетенными становились взрослые, тем ярче и солнечней должно рисоваться настоящее и будущее младшего поколения: все для них и все ради них. Даже родители могли с этим примириться. Сказочное будущее становилось видимым и достижимым.

В Москве начинается одновременное строительство десятков новых школ, которые все откроются 1 сентября 36-го. Кирпичные. Четырехэтажные. Пусть на вид простые

коробки, зато с физическими и химическими кабинетами, спортзалами, такими же просторными буфетами, библиотеками. Не подлежавшая оглашению инструкция предупреждала о необходимости использовать здесь только молодых учителей, воспитанных согласно новым идеологическим меркам в советских вузах. Старые педагоги, тем более гимназические, представляли крайне нежелательное исключение.

В каждом районе открывается Дом пионеров и разбивается обязательный детский парк. Выбор зданий и территорий принадлежал «Первому». Так, для вновь созданного Железнодорожного района он останавливается на кладбище Алексеевского монастыря по Верхней Красносельской улице. Богатейшие мраморные надгробия увозятся для «вторичного использования в строительстве», крошатся на мелкие куски или закапываются в землю. Прочные склепы используются для хозяйственных нужд. Самое важное — спланировать место для задуманной «Первым» детской железной дороги.

Но на главном — Городском дворце пионеров — сходятся обе части московской программы: окончательного переворота в партийном руководстве и «счастливого детства». Для него предназначается особняк в Чудовском переулке (пер. Стопани), построенный архитектором Романом Ивановичем Клейном для Хаи Берковны Высоцкой. Р.И. Клейн — автор проектов Музея изящных искусств имени императора Александра III (ГМИИ им. А.С. Пушкина), Средних Торговых рядов на Красной площади, универсального магазина Мюра и Мерилиза (ЦУМ), Бородинского моста-памятника Отечественной войне 1812 года и «Чайного дома» на Мясницкой (№ 19). Х.Б. Высоцкая — жена председателя Московского еврейского хозяйственного правления, директора Товарищества чайной торговли «В.Высоцкий и К°».

Добротный, превосходно распланированный особняк Высоцких стоял к тому же в большом саду и сразу после Октября был предоставлен Обществу старых большевиков. Легенда о том, что дом был предложен для пионеров Н.К. Крупской, не отвечает действительности. Общество было закрыто в 1936 году. Но сама замена ставших ненужными старых большевиков именно детьми имела символический смысл.

К тому же еще в 20-х годах для Общества к особняку Высоцких был пристроен театр, который со временем заняла труппа Московского художественного рабочего театра, составившаяся из «бунтарей» старого классического МХАТа и Театра Корша. Зал с балконом на 700 мест, сцена с вращающимся кругом, депо для декораций, углубленное в полуподвал фойе с небольшим фонтаном — ничто не требовало большого времени для открытия Московского городского театра пионера и школьника. Почти полностью был сохранен и технический персонал. Другое дело — творческий.

Наступление на искусство начинается в январе. 28 января 1936 года в газете «Правда» была опубликована редакционная статья «Сумбур вместо музыки» — о постановке в Большом театре оперы Д.Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда». По этому поводу обличалось «левацкое искусство», которое «вообще отрицает в театре простоту, реализм, понятность образа, естественное звучание слова». Вывод: «перенесение в оперу, в музыку наиболее отрицательных черт “мейерхольдовщины”».

6 февраля «Правда» выходит с редакционной статьей «Балетная фальшь» — о балете Д.Шостаковича «Светлый путь».

20 февраля в той же «Правде» редакционная статья «Какофония в архитектуре» — против конструктивизма и «формализма» в зодчестве.

1 марта — «Правда», редакционная статья «О художниках-пачкунах».

Последние дни марта — разгром в Союзе композиторов (на Миус-

ской площади) единственной в мире методической системы обучения фортепианной игре профессора Московской консерватории, выученика К.Н. Игумнова, Григория Петровича Прокофьева. На примере трех концертов его питомцев. Формально: слишком большие (не по возрасту!) технические успехи, слишком «активное эмоциональное восприятие детьми музыкального материала, способное нарушить детскую психику». Среди главных обвинителей — Михаил и Елена Фабиановичи Гнесины.

«Десант из Ростова-на-Дону», как их тогда называли, одержал полную победу над былым членом Директората Московской консерватории (вместе с М.М. Ипполитовым-Ивановым и А.Б. Гольденвейзером), преподававшим в консерватории более четверти века. Существенной оказалась поддержка обличителей первым секретарем горкома: Музыкально-экспериментальная лаборатория при консерватории лишилась учебных классов на верхних этажах Первого детского кинотеатра (ныне — Театр эстрады в «Доме на набережной»). Другой площади ей предоставлено не было. Речь шла об организации кружков «по интересам» при кинотеатре. В защите интересов пионеров Никита Хрущев оставался неумолим.

18 июня не стало Максима Горького.

20 июня горком партии одобрил закрытие в Москве восемнадцати театров. Одновременно. Без объяснений. Собственно, в списке стояло двадцать, но с двумя наиболее именитыми — Мейерхольда и А.Я. Таирова — вышел прокол. Это несколько продлило их существование, никак не изменив вынесенный приговор.

Ни один из закрытых театров не испытывал материальных трудностей. Все имели своего зрителя, привычные аншлаги, сложившийся репертуар, известных исполнителей. Это занимавший бывший кинотеатр «Колизей» (ныне «Современник») театр ВЦСПС А.Д. Дикого с его громкими постановками «Вершин счастья» Дос Пасоса и «Матросов из Катарро» Ф.Вольфа, Театр МОСПС в Каретном ряду под руководством Е.О. Любимова-Ланского, московский Рабочий театр «Постройка» и рядом Татарский театр рабочей молодежи с нашумевшим «Чудесным сплавом» Киршона, в стенах Дома Союзов собственный театр «Рабочий отдых», Радио-ТРАМ С.Г. Бирман и А.Г. Вовси, немецкий театр «Колонне линке», помещавшийся при Клубе иностранных рабочих на Большой Никитской, 19 (ныне опера «Геликон»).

Восемнадцать распущенных коллективов означали целую армию безработных, которым, кроме хлеба насущного, надо было еще заботиться о ежемесячных справках для домоуправления «о трудовой занятости». Но только одному руководителю — театра на Стопани — удастся добиться приема у «Первого». Андрей Иванович Кричко был ошеломлен злобной категоричностью ответа. Хрущев скажет режиссеру буквально те слова, которые через четверть века, уже в качестве генсека, повторит на печально известной Манежной выставке: он, как руководитель московской партийной организации, заявляет, что «все это ваше искусство» не нужно советским трудящимся, и вообще партия не допустит никаких отклонений от «линии».

Единственным выходом было бегство в художественную самодеятельность. По идее партруководства, «артисты из народа» должны были заменить профессионалов, на идейную выдержанность которых никогда нельзя положиться. К тому же именно самодеятельность свидетельствовала о счастливом бытии и расцвете советского народа.

Другой вопрос, что «народные таланты» следовало подучивать. Поэтому повсюду и снова одновременно открываются сотни, если не тысячи самодеятельных кружков — в школах, Домах пионеров, детских парках, при домоуправлениях и библиотеках, различных учреждениях.

Уровень руководителей оказывался неожиданно высоким. В Московском городском дворце пионеров старшую театральную группу берет ведущий режиссер и актриса Камерного театра Нина Сухоцкая, студию художественного слова — преподававшая ту же дисциплину для актеров Камерного Анна Бовшек. Ансамбль пионерской песни и пляски создают поддерживаемый знаменитой колоратурой Большого театра Валерией Владимировной Барсовой будущий народный артист СССР Владислав Геннадиевич Соколов и звезда советского балета, будущий руководитель балетной труппы «Мариинки» Якобсон. Первые из принесших ему славу танцевальные миниатюры были поставлены и исполнены ребятами на Стопани.

Деятели театра могли как угодно переживать свою судьбу, но происходившие общенародные события перекрывали все личные невзгоды. 20 июля с аэродрома в Щелкове вылетает на Дальний Восток «АНТ-25» Чкалова, Белякова и Байдукова, который долетит до острова Удд. Чего стоила встреча героев Москвой: толпы трудящихся, водопад приветственных листовок, торжественные приемы и награждения!

В том же «едином порыве» принимаются 15 августа резолюции митингов рабочих, колхозников, ученых, деятелей культуры, партсобраний в связи с появившимся в «Известиях» сообщением о предании суду Каменева, Зиновьева и других: только высшая мера наказания, только расстрел. Глас народа оказался услышанным: все девятнадцать подсудимых расстреляны. Вскоре после суда, проходившего в Октябрьском зале Дома Союзов, Соловецкий лагерь особого назначения — СЛОН — был преобразован в Соловецкую тюрьму особого назначения — СТОН. Аппарат готовился к массовым репрессиям: в 37-м арестованных окажется в десять раз больше, чем в 36-м.

И еще одна грандиозная декорация — всесоюзное празднование 100-летия со дня смерти Пушкина. С открытием Всесоюзного и множества местных музеев поэта, с всесоюзным конкурсом чтецов — профессиональных и, само собой разумеется, пионеров. Пионерам предписывался стопроцентный охват по школам: учителя лично отвечали за то, чтобы каждый школьник наизусть выучил *шестнадцать* пушкинских строк. Не меньше! И с пушкинскими постановками в театрах, не говоря о сотнях тематических изданий. Туман, способный размыть силуэты все чаще появляющихся в предрассветные часы «воронков». Учить Пушкина! Наслаждаться Пушкиным! Следить за пушкинскими новостями!

Знал ли Александр Таиров о надвигающейся на его Камерный театр грозе? Не мог не ощущать роковой угрозы, но удар последовал не оттуда, откуда его можно было логически ожидать. Спектакль в форме бурлеска «Богатыри» на музыку А.П. Бородина не устроил специально приехавшего познакомиться с ним Молотова. Молотов не занимался искусством по своим обязанностям члена Политбюро партии, и тем не менее в данном случае именно ему была поручена роль арбитра. Спектакль снят, «Правда» разразилась погромной статьей об ошибочном истолковании истории.

Сын народного учителя, блестяще окончивший юридический факультет Петербургского университета, Таиров начал свою театральную деятельность актером в Театре Веры Комиссаржевской, но уже через несколько лет задумал организовать собственную труппу с самым широким репертуаром — от античной драмы до тонкой иронии Гофмана и шутки бурлеска. Всегдашнее присутствие второго плана, по-видимому, и не устроило партийного деятеля. Кстати, оказалась закрытой и еще не завершенная постановка «Евгения Онегина».

Несостоявшийся «Онегин» — особая страница в театральной истории. В отличие от остальных, в частности московских театров, Ка-

мерный с момента своего возникновения в 1914 году формирует около себя центр философско-методического осмысления сценического искусства. Соответствующие лекции, семинары входят в программу подготовки актеров. Замысел создания на сцене эмоциональной картины, строящейся в равной мере на пластическом, музыкальном, зрелищно-живописном началах, во многом реализовался благодаря удивительному таланту ведущей актрисы и создательницы театра— наравне с Таировым — Алисы Коонен. Одна из самых романтических актрис первого периода истории МХАТа, ученица Станиславского, она сыграла до перехода в Камерный театр Митиль в «Синей птице», Анитру в «Пер Гюнте» и удивительную, по отзывам современников, Машу в «Живом трупе». Именно ее в роли Татьяны имел в виду инсценировщик «Онегина» Сигизмунд Кржижановский.

Сегодня за ним утвердилось имя «русского Кафки» и клубы поклонников его творчества множатся буквально день ото дня. Три существуют в одном только Париже, несколько в Польше. В России вышел из печати его пятитомник. Но все это спустя полвека со дня смерти писателя. При жизни не было ни одной опубликованной строчки писателя, хотя он автор сценариев фильмов «Праздник святого Йоргена», «Новый Гулливер» (его имя изъято из титров), инсценировки «Человека, который был четвергом» Честертона, шедшей в Камерном. В студии театра С.Д. Кржижановский читает лекции о специфике творческого процесса на сцене и собирает едва ли не всю театральную и литературную Москву.

Предложение написать музыку к драматическому «Онегину» С.Прокофьев отвергает в принципе, но, попав на читку либретто, садится в том же зале за рояль. Спустя две недели интереснейший опус композитора был закончен.

Тем не менее путь на Голгофу существовавшего в конце 30-х годов порядка утверждения пьесы уже начат. Одна за другой появлялись рецензии, предъявлялись списки обязательных поправок: Благой, Бонди, Цявловский... Утверждались с неменьшими коррекциями великолепные эскизы декораций Осьмеркина. Все видели, что пьеса становилась хуже, но все-таки приближалась к сцене, где многое могли исправить режиссер и исполнители.

Спорить с молотовским запретом? От этого автора и режиссера деятельно отговаривает не кто иной, как участник челюскинской эпопеи, один из первых Героев Советского Союза, летчик-полярник Михаил Васильевич Водопьянов. Он пробовал свои силы в литературе. В Камерном шла его пьеса «Мечта», где литературный уровень успешно заменялся искусством постановщика и общей романтической увлеченностью публики авиацией. Водопьянову удается отвести беду от театра. Пока...

И наконец, 5 декабря — отныне и на долгие годы выходной день и праздник — принятие на Всесоюзном съезде Советов Сталинской конституции. О положении деятелей культуры лучше всего говорит докладная записка сотрудницы Второго Западного отдела ВОКСа, обслуживавшей Леона Фейхтвангера, находившегося в эти дни в Москве.

«Сегодня был трудный день, так как Фейхтвангер поспешил излить на меня свое негодование по поводу статьи об Андре Жиде (которую написал для газеты “Правда”). Вот, мол, и оправдываются слова Жида о том, что у нас нет свободы мнений, что нельзя высказывать своих мыслей и т.д.

Мехлис предложил ему переделать некоторые места, в частности о “культе” Сталина. Я ему объяснила, в чем суть отношений советских народов к товарищу Сталину, откуда это идет, что совершенно ложно называть это “культом”.

Он долго кипятился, говорил, что ничего не будет менять, но когда пришла Мария Остен, он уже ос-

тыл, смирненько сел с нею в кабинете и исправил то, что она просила, за исключением фразы о "терпимости", которую ни за что не хотел выбросить».

Через годы, оставшись, по ее собственному выражению, актрисой без театра и женщиной без своего единственного мужчины, Алиса Георгиевна Коонен будет вспоминать: «Казалось, все уходило из-под ног, как песчаный островок во время прилива. Так нельзя смотреть твою же собственную историю. Так нельзя трактовать Пушкина. Так нельзя двигаться на сцене, потому что всему голова народная пляска. Так нельзя оформлять спектакль, потому что уже преданы анафеме "художники-пачкуны"».

Финал пушкинских торжеств оказался гораздо менее пышным, чем все ожидали: стремительно, день ото дня, нарастал вал тотальных арестов. Разгром мейерхольдовского театра в мае 37-го служил самым мрачным предзнаменованием. Образцовая схема выстраивалась в изобразительном искусстве. О ней с недоумением и невольной иронией скажет Михаил Васильевич Нестеров: «Выставка к 20-летию революции — вся расписана по темам, каждая будущая картина уже куплена... Сначала солидный аванс, после окончания холста — еще более солидный расчет. И название выставки готово: "Индустрия социализма". А темы — "Колхозники читают Сталинскую Конституцию", "Доклад товарища Сталина на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов", "Партийная чистка", "Брат-предатель". Целых две, самых "выгодных", темы у Александра Герасимова: "На совещании у товарища Серго", "Награждение товарища Серго орденом Ленина"». Было что репродуцировать, было о чем писать. В прессе.

И небольшая подробность. Одним из основных авторов экспозиции Всесоюзной пушкинской выставки был назначен будущий академик, лингвист и литературовед петербуржец Виктор Владимирович Виноградов, не имевший права проживания в столице. Из Александрова его ежедневно привозил и увозил мрачный, не произносивший ни слова сопровождающий с оттопыренной у пояса полой пиджака. Он оставался и в залах, где работал его подопечный. «Искусствовед в штатском» — это выражение первый раз довелось услышать от изысканно вежливого академика. Виктор Владимирович едва ли не с удовольствием вспоминал слова своей «идеологической характеристики»: «Лингвистическая утонченность и широта историко-литературного диапазона существуют у Виноградова за счет научной социологии. Его работам свойственен общий порок всей формальной школы — полное небрежение к социальному генезису и социальной функции литературного факта».

Вихрь арестов 1937-го будто завершался собранием труппы Театра Мейерхольда 25—27 декабря. Из ста десяти штатных сотрудников успели выступить девяносто два (Абдулов, Боголюбов, Ровенских, Майоров...) с единодушным требованием: театр, как безусловно ненужный и вредный «трудящимся», закрыть, художественного руководителя признать врагом народа со всеми соответствующими последствиями... На последнем спектакле (шла знаменитая «Дама с камелиями» с Зинаидой Райх и Михаилом Садовским в главных ролях) бесконечные овации зала скрыли грохот, с каким тут же начинали выбрасываться на двор декорации, делопроизводство, архив театра. Утром здесь должны начаться репетиции танцевального ансамбля Викторины Кригер.

В первых числах января 1938 года «Первый» за проделанную работу по идеологической очистке столицы получил повышение — назначение первым секретарем ЦК компартии Украины. Вал репрессий передвинулся на юг.

А Камерный театр продолжал работать. С постоянными окриками, предупреждениями, выражениями начальственного неудоволь-

ствия. Все военные годы не оставляя Москвы. В суровую зиму 42/43 он покажет чеховскую «Чайку». Как символ — пустая сцена, задрапированная темным сукном. Сдвинутый в сторону большой концертный рояль. И на рояле, в луче безжизненно-белого света, — чучело чайки. Постановление о закрытии Камерного театра последует в 1949 году как следствие пулеметной очереди идеологических решений — о репертуаре драматических театров, об «Иване Грозном» Сергея Эйзенштейна, о Шостаковиче, Сергее Прокофьеве, Хачатуряне, Кабалевском, не нужных «советским трудящимся». Разъяснительное общее собрание московской творческой интеллигенции будет проведено в помещении именно этого театра. Он слишком долго держался, — 35 лет! — слишком долго был символом независимого мышления. Доклад поручат ученому секретарю только что основанной Академии художеств В.Сысоеву.

Они станут уходить из жизни один за другим. Сергей Эйзенштейн — почти сразу после посвященного его работе постановления. Александр Таиров — в 1950-м, от рака мозга. Сигизмунд Кржижановский — в последних числах декабря того же года от редчайшей формы инсульта, лишившей его способности соотносить буквы и звуки. Дольше других выдержит профессор Григорий Прокофьев, после первого осуждения вообще отстраненный от музыки и имевший для пропитания должность научного сотрудника Института психологии Академии педагогических наук. Для него, по его словам, надежда умерла после посещения Хрущевым Манежа. Политический скандал «Первого» разразился 1 декабря 1962-го, профессора не стало 3 декабря.

Казалось бы, отстранившийся от всех идеологических розыгрышей Михаил Иванович Жаров в начале 70-х заметит: «Как странно — век начинался на раскрытых крыльях мхатовской чайки, а потом — чучело у Александра Яковлевича (Таирова. — *Н.М.*). В безжизненном луче»... Народный артист был питомцем и актером Камерного театра.